

Джеймс Хэдли
Чейз

ТУЗ
В РУКАВЕ

Хельга Рольф

Джеймс Чейз

Туз в рукаве

«Азбука-Аттикус»

1971

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Туз в рукаве / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус», 1971 — (Хельга Рольф)

ISBN 978-5-389-16790-2

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотоносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». В настоящую книгу вошел роман из цикла о Хельге Рольф, созданный в 1970-е годы. Хельга Рольф – супруга миллионера, хороша собой. Кажется, ее жизнь – реализовавшаяся мечта. Но увы, это не так. Есть у нее одна слабость – мужчины. Умные, красивые, сексуальные... Но она вышла замуж за Германа Рольфа, пожилого инвалида, и обещала ему верность. Большие деньги и маленькие слабости – опасная комбинация...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16790-2

© Чейз Д. Х., 1971
© Азбука-Аттикус, 1971

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Джеймс Хедли Чейз

Туз в рукаве

James Hadley Chase
AN ACE UP MY SLEEVE
Copyright © Hervey Raymond, 1971

© Н. В. Рейн (наследник), перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

* * *

Моим четырем тузам: Сильвии, Бру, Трейси Ли и Герни

Глава первая

Хельга Рольф в норковом манто, накинутом на плечи, пересекала вестибюль отеля «Кёнигсхоф», мельком отметив, что два толстых немецких бизнесмена всюду пялят на нее глаза, причем эти глаза оценили все: и манто, и черный костюм, и алую блузку, и отороченную норкой шляпу. Глаза явно одобряли то, что видели, но она уже привыкла читать в глазах мужчин одобрение. И это мало интересовало ее, она нуждалась в чем-то большем, нежели простое одобрение.

Она уронила ключ от номера на стойку, и дежурный, кланяясь, подхватил его, словно это была невеста какая драгоценность.

– Прикажете подать вашу машину, мадам?

Его гортанный английский раздражал ее. Сама она бегло говорила на немецком, французском и итальянском, но он знал, что она американка, а по его понятию, американцы могли говорить только по-английски.

– Нет... Я иду за покупками, – ответила она по-немецки. – Я уезжаю завтра в восемь утра. Будьте любезны, проследите, чтобы моя машина была полностью подготовлена.

– Слушаюсь, мадам. – Он упорно продолжал говорить по-английски. – Завтра к восьми я подготовлю счет. Еще какие-нибудь пожелания?

Она покачала головой и сунула руки в рукава манто, прежде чем мальчик в униформе успел подбежать и помочь ей. Одарив разочарованного парнишку улыбкой, она вышла из отеля.

Небо над Бонном было свинцовое, резко похолодало. Редкие хлопья снега уже начали падать на асфальт, тут же тая, и тротуар стал мокрым и скользким.

Хельга ненавидела холод. Зябко поежившись под пышным дорогим манто, она прибавила шаг, стараясь разогреть тело, разнеженное гостиничным теплом.

Пройдя под университетской аркой, она приостановилась, пропуская поток быстро бегущих автомобилей, затем перешла улицу и направилась к торговому центру, где движение машин было запрещено.

Уже 11:35. Проснулась она поздно. Накануне вечером ушла в свой номер сразу после обеда. А что еще делать одинокой женщине в чужом большом городе, как не лечь спать сразу после обеда? Она знала: метрдотель не любит, когда женщины заходят в ресторан без спутника, но на него произвели должное впечатление и ее норковая накидка, и бриллианты. И он обслуживал ее по высшему классу, не сомневаясь, что получит щедрые чаевые. Она ела быстро, с раздражением отмечая, как пялятся на нее все эти боровы, немецкие бизнесмены, тоже обедающие в одиночестве и наверняка ломающие голову, кто же она такая. Закончив обед, она тут же вышла и поднялась на лифте на свой этаж. Снотворное на столе. Сон – единственное противоядие от одиночества.

Теперь, быстро шагая, она окунулась в толпу, текущую по свободной от машин улице, мельком отмечая, с какой завистью оглядывают женщины ее манто. Да, действительно, прекрасное манто, муж выбирал его для нее сам, в одну из тех редких минут, когда хотел доставить ей удовольствие. Она знала, что норка сейчас не в моде, но все равно – роскошное и элегантное манто. Да и что значит мода в ее возрасте? Возраст? Какой там возраст! Она даже приостановилась на секунду – поймать свое отражение в витрине. Сорок?.. Или сорок три?.. Какое значение, в конце концов, имеют эти три года? В витрине она видела стройную фигуру, лицо под безупречным макияжем, с высокими скулами, огромными синими глазами, породистым носом. Сорок три? Да она выглядит на тридцать даже сейчас, несмотря на колючий восточный ветер и свинцовые облака.

Она перевела взгляд со своего отражения на отражение высокого мужчины, застывшего посреди тротуара и явно не сводящего с нее глаз. Бейсбольное кепи с козырьком, черная кожаная куртка, бледно-голубые джинсы и красная ковбойка со всей очевидностью свидетельствовали о том, что незнакомец – не кто иной, как ее соотечественник. Он был молод – где-то около двадцати – и жевал резинку. В Бонне полно американцев: солдат в увольнении, молодых людей, совершающих турне по Европе, неизбежных туристов. Хельга достаточно долго прожила в Европе, чтобы научиться презирать американцев, оказавшихся за рубежом. Особенно раздражала ее эта неизбежная жвачка. Она отвернулась и вошла в большой универмаг. Ей были нужны колготки, но, остановившись перед прилавком, на котором были разложены шерстяные дамские панталоны, она поглядела на них с вождением. Она сильно замерзла, но все же устояла перед соблазном приобрести этот наверняка такой теплый викторианский предмет туалета. А вдруг она попадет в аварию? Какой позор, когда тебя будут раздевать, пусть даже медсестра, оказаться вдруг в таком одеянии.

Купив колготки, она, наслаждаясь теплом, бесцельно побродила по магазину, разглядывая товары, затем, вспомнив, что время у нее ограничено, взяла себя в руки и вышла под ледяной восточный ветер.

Жующий жвачку американец стоял, прислонившись к фонарному столбу, руки в карманах джинсов. Тут она вгляделась в него попристальнее и вдруг ощутила, как ее захлестнула непреодолимая, острая волна желания. Великолепный экземпляр, подумала она. От него так и веет чувственностью. Черты лица славянские: квадратная челюсть, большие, широко расставленные глаза, короткий тупой нос. И еще в нем было совершенно неотразимое мальчишеское очарование.

Она отвела взгляд и двинулась дальше. «О чем я только думаю! Да он по возрасту мне в сыновья годится». И она вдруг рассердилась на себя за то, что вид какого-то мальчишки мог так взволновать ее.

Она свернула на вторую торговую улицу, делая над собой усилие, чтобы не обернуться и не посмотреть, идет ли он следом. «Да какого, собственно, черта?! Совсем ребенок, он мне в сыновья годится...» Приостановилась, разглядывая витрину с обувью. Витрина мало интересовала ее – выставленные там туфли были не фабричного, а ручного производства. Но зато можно было заглянуть в зеркало, стоявшее в глубине. И она успела заметить: он не отстал и снова стоит и смотрит на нее, привалившись широкими плечами к фонарному столбу.

Она сжала руки в кулаки и почувствовала, как по телу прошла волна горячей крови. Она уже не ощущала ни ветра, ни холода и, словно летя, стала уходить от него. «Ну чем я могла его заинтересовать?» – рассуждала она. Мимо прошла девушка, совсем еще молоденькая блондинка, в брючках типа рейтуз, которые так обтягивали ее задик, что она казалась голой. У нее было всеведущее лицо взрослой женщины, которая познала все, и одновременно достаточно юное, чтобы понять, что энтузиазм жизни в ней еще не иссяк. Хельга с завистью посмотрела на нее и подумала: «Вот сейчас он увидит эту маленькую шлюшку и тут же от меня отстанет».

Она вошла в кафетерий и села подальше от окна. Пока она снимала перчатки, подошел официант, и Хельга заказала чашку кофе. Она запретила себе смотреть в окно. Слегка дрожащими пальцами закурила сигарету. Дисциплинированно просидела над кофе полчаса. Если он все еще ждет, она заговорит с ним. И вдруг поймала себя на том, что бормочет слова молитвы, прося Бога сделать так, чтобы он ждал.

Ровно в 12:30 она раздавила сигарету в пепельнице, заплатила по счету, накинула мантию и вышла.

Он стоял напротив, через улицу, жуя резинку, руки по-прежнему в карманах джинсов. Она уже было совсем собралась подойти к нему, но вдруг остановилась. Хотя теперь было совершенно ясно, что он хочет вступить с ней в контакт, она вдруг испугалась последствий этого контакта.

Резко развернувшись, она зашагала к отелю. Прошла несколько ярдов, остановилась, обернулась. Они посмотрели друг другу в глаза, он дотронулся до козырька кепи, и лицо его осветила смущенная мальчишеская улыбка.

– Что вам надо? – спросила она.

Мимо торопливо сновали люди. Они застыли, как две скалы в бурном потоке.

Теперь, находясь совсем рядом, она так сильно ощутила исходящий от него молодой животный магнетизм, что ноги у нее внезапно ослабели.

Улыбка на его лице стала еще шире.

– Ну, просто вы, мэм... вы с виду такая славная и симпатичная, – начал он. Голос был мягкий, и слова он старался выговаривать как можно отчетливее. – Первый симпатичный человек из всех американцев, что ошиваются в этом городе. Извините... Если я вам в тягость, только скажите слово – и я смоюсь.

– Нет... вы мне не в тягость. – Она вдруг страшно рассердилась на себя за то, что произнесла эту фразу чересчур пылко.

Какой-то толстяк в кожаной шляпе с перышком натолкнулся на нее, и она отступила на шаг. Девушка в мини-юбке с толстыми пурпурными от холода ногами обошла ее, не отрывая глаз от молодого человека, жующего резинку. И Хельга вдруг почувствовала прилив гордости: он даже не взглянул на эту девушку, тряхнувшую длинными непромытыми волосами, когда она поравнялась с ним.

После паузы Хельга сказала:

– Я как раз собираюсь завтракать. Вы голодны?

Улыбка стала еще шире.

– Ясное дело, и даже очень. Проблема в том, что я сейчас на мели. Два дня ничего не ел. Она помрачнела. Умный мальчик, нечего сказать! Подцепил на улице одинокую женщину, по возрасту годящуюся ему в матери, и тут же закинул удочку.

– Что ж, двое – это уже компания. Я не люблю есть в одиночестве, – сказала она. – Идемте.

Она повернулась и зашагала по улице, пока не дошла до первого дешевого ресторана. Он шел следом, и она слышала, что он напевает какую-то мелодию. А чего ему не петь? Идет обедать за чужой счет.

Она толкнула тяжелую стеклянную дверь и остановилась. Никогда прежде ей не доводилось бывать в заведениях такого низкого класса. Но раз надо покормить его, то она будет кормить его здесь. Не вести же в отель. Можно представить, какая у метрдотеля будет физиономия, когда он увидит ее вместе с этим типом в своем роскошном ресторане.

Она оглядела зал. Везде сидели люди и ели, и она с огорчением заметила, что здесь нет столиков на двоих. Каждый на шесть человек, и за каждым люди.

Однако парень, похоже, ничуть не смутился. Он подхватил ее под локоть и провел к столу, за которым сидела чета пожилых немцев с неуклюжей и некрасивой дочерью и прилежно поглощала вареные сосиски с квашеной капустой.

Хельга скинула мантию, и они усаживались на нее во все глаза. Парень подхватил мантию и бережно повесил на крючок, вбитый в стенку у столика. Они усаживались напротив. Она обнаружила, что сидит бок о бок с отцом семейства и даже чувствует исходящее от него тепло. Парень же оказался рядом с девушкой, которая сперва смущенно от него отодвинулась, а потом, глупо улыбаясь, паялилась на него уже вовсю. Он этого не заметил, он искал глазами официанта. Напряженное выражение лица и туго обтянувшая скулы кожа подсказали Хельге, как он голоден, и ее кольнула жалость.

Наконец официант подошел. Бросил на стол два меню и тут же отошел обслужить соседний столик.

Парень взглянул на написанное от руки меню и скроил гримасу:

– Этот язык меня доконает.

Официант вернулся и вопросительно посмотрел на Хельгу, потом – на него, словно не зная, кому отдать предпочтение. Тут Хельга сделала знак рукой, давая ему понять, что заказывать собирается она.

– Фасолевый суп, бифштекс и картошку фри – один раз, а мне омлет, – сказала она. – Два пива.

Официант кивнул и удалился.

Немецкое семейство, услышав, как бегло говорит Хельга по-немецки, с любопытством воззрилось на нее, потом они все же отвели глаза.

– Так вы говорите на этом языке, мэм? – В голосе паренька звучало восхищение. – Да, вам проще, меньше головной боли. – Он наклонился вперед и положил большие сильные руки на стол. – Я – Ларри Стивенс.

Она улыбнулась:

– Хельга Рольф.

– Я из Небраски.

– Флорида.

Настала пауза, во время которой они разглядывали друг друга, причем в его глазах светило восхищение, а в ее – настороженность и надежда.

– Вам, наверное, будет удобнее, если вы снимете кепи? – Она тут же пожалела о своих словах. Ведь американцы, похоже, рождаются и живут в головных уборах.

Он покраснел, сорвал с головы кепи и сунул под стол, на колено.

– Пардон, мэм. Деревенщина я неотесанная. Совсем забыл, что на мне эта штука.

Она взглянула на него еще раз – короткая стрижка, светлые волосы, затем стала изучать его лицо и снова ощутила жаркий прилив желания.

Подали пиво.

– За вас, мэм, и за наш флаг! – сказал Ларри и приветственно поднял кружку, удовлетворенно вздохнул и сказал: – Я вам ужасно благодарен. – И улыбнулся теплой, дружеской улыбкой, от которой ей вдруг стало радостно и легко. – А то уж думал – совсем пропал.

Подали еду. Она, лениво ковыряя омлет, смотрела, как он ест. Соседи за столом тоже смотрели. Суп исчез моментально. За ним немедленно последовал большой бифштекс с горкой картофеля фри. Он ел сосредоточенно и целеустремленно, как обычно едят только очень голодные люди. Время от времени он с полным ртом поднимал на нее глаза и улыбался. Теплота его улыбки растрогала ее почти до слез – давно она не видела, чтобы кто-нибудь так улыбался. И она опустила голову над остатками омлета и нахмурилась, не желая показывать ему свои чувства.

Немцы попросили счет и поднялись из-за стола. Ларри положил вилку.

– Да, это было нечто, мэм. Это было нечто...

Она заметила, с каким сожалением он оглядывал пустую тарелку, и сделала знак официанту.

– Нам понравилось, – сказала она, – будьте любезны, повторите заказ.

Официант взглянул на нее, потом на Ларри, и широкая улыбка осветила его толстое лицо. Он подхватил пустую тарелку и поспешил на кухню.

– Что вы ему сказали, мэм? – спросил Ларри немного подозрительно.

– Здесь обычно дают двойные порции, – ответила Хельга. – Сейчас будет еще бифштекс.

Его улыбка стала совсем уж мальчишеской.

– О, я с удовольствием! – Он подался вперед и посмотрел ей прямо в глаза. – Я хочу, чтоб вы знали, мэм, я, честное слово, ценю это. – Он тряхнул белокурой головой. – Смешно, но, когда попадаешь в какую-нибудь передрагу, обычно находится выход. Обязательно случается что-нибудь хорошее. Рон так говорил, а я ему не верил. Всё же люди помогают друг другу.

Вот вы мне помогли... – Он откинулся на спинку стула. – Может... и я смогу вам чем-нибудь помочь. Буду рад.

– Как знать... – Мысли ее переключились на прошлое. Да, встречались в ее жизни люди, которым она помогала, но теперь это бесплотные тени. Да и кому придет в голову, что она нуждается в помощи, раз муж ее так богат и занимает такой высокий пост.

Прибыла вторая порция бифштекса с картошкой.

– Вы уж простите, мэм, но это выглядит так аппетитно...

Она закурила и продолжала думать о прошлом. Помощь? А что такое помощь? Легко дать денег, если они у тебя есть. Нет, это не помощь, во всяком случае не для нее. Поделиться чем-то сокровенным... избавиться от этого ужасного одиночества – вот в какой помощи она нуждалась. Но много ли людей способны дать ей это?..

Она тряхнула головой, отгоняя эти мысли, и стала смотреть, как он расправляется с бифштексом. Наконец он положил вилку и откинулся на спинку стула.

– Давненько я так не ел! Все очень вкусно, мэм.

Подошел официант, и она заказала яблочный штрудель со сливками и кофе. Потом, когда он уже забирал пустую тарелку, спросила:

– А что вы делаете в Бонне?

– Вопрос по существу! – рассмеялся Ларри. – Я и сам бы хотел знать. Так, просто проездом. – Он снова подался вперед, сцепив сильные пальцы и сдвинув широкие плечи. – Дело в том, что я как бы учусь. Мой старик сказал: неплохо бы тебе побывать в Европе, посмотреть, попутешествовать. Хотел, чтобы я посмотрел Европу, прежде чем устраюсь на работу и осяду в Штатах. Ну вот и болтаюсь тут. Начал с Копенгагена, потом поехал в Гамбург. А сейчас вот здесь. Старик, конечно, дал маленько денег, но я их потерял, так что, думаю, придется подыскать какую-нибудь работенку. – Он пожал плечами, все еще улыбаясь. – Чего-нибудь да найду... По правде сказать, еще всерьез не искал. Старик ждет меня не раньше чем через полгода. Он как знал, что я могу оказаться на мели. Сказал, что это только пойдет мне на пользу, если придется поднапрячься и заработать самому на жизнь в Европе. Мой старик считает, что я должен научиться жить самостоятельно. – Он замолк и, улыбаясь, взглянул на Хельгу. – Он, вообще-то, чужак, но я его люблю.

Подали десерт и снова наступило молчание: Ларри ел. Затем, уже за кофе, она спросила:

– Ну и что же вы собираетесь делать?

Он пожал плечами:

– Осмотрюсь, буду искать. Уж кому-нибудь да пригожусь, мэм.

– Но вы даже не знаете языка.

Он рассмеялся, и она позавидовала его уверенности.

– Да меня всегда поймут. – Он взмахнул руками. – Пока у человека есть руки, язык не обязателен.

Она взглянула на часы. Через полчаса у нее встреча с поверенным мужа.

– Хотите поехать в Швейцарию? – спросила она, чувствуя, как быстро забилося у нее сердце.

– В Швейцарию? – Он удивленно посмотрел на нее. – Мне, вообще-то, все равно куда.

– Водить машину умеете?

– Ясное дело.

Она открыла сумочку из кожи рептилии, достала три купюры по сто немецких марок каждая.

– Я остановилась в отеле «Кёнигсхоф». Уезжаю в Швейцарию завтра утром, в восемь. Мне нужен водитель. Хотите поехать со мной?

Он, не раздумывая ни секунды, кивнул. Она сунула купюры под блюдце, встала и потянулась за манто.

– Тогда я вас жду. – Она надела манто, а он продолжал сидеть, подняв на нее глаза, в которых застыло недоумение. – Уплатите по счету. – Она улыбнулась, поймав себя на том, что улыбка вышла не слишком официальная. – Ну, до встречи, Ларри.

Он вскочил, едва не перевернув стол, но она уже вышла из ресторана на улицу под валяющийся тяжелыми хлопьями снег. Впервые за долгие месяцы она чувствовала себя молодой.

Выбираясь из глубокого и тяжелого, вызванного таблетками сна, Хельга ощущала тревогу – наверняка проспала. Включив ночник на тумбочке, взглянула на часы: всего 6:50. Она с облегчением откинулась на подушку. Вчера, перед тем как лечь спать, она упаковала два чемодана и велела отнести их в машину. Теперь можно спокойно, не торопясь, одеться и посидеть за чашкой кофе, дожидаясь восьми.

Вчера вечером, снова обедая в одиночестве, и потом в номере, уже в постели, ожидая, когда подействует снотворное, она перебирала в памяти все детали знакомства с Ларри Стивенсом.

И когда она думала о том, что наделала, ей становилось стыдно. Она вела себя точь-в-точь как пожилые американки, попавшие за границу. Эти жуткие и жалкие женщины, пытающиеся завести поздний роман, доставали барменов, строили глазки швейцарам в лихорадочных поисках мужчины, который помог бы им скоротать часы одиночества, перед тем как автобус или поезд унесет их дальше продолжать бессмысленную и утомительную туристическую поездку.

«Но чего мне стыдиться? – спрашивала она себя. – Конечно, я вела себя довольно легкомысленно, но ведь не сделала ничего такого, чего бы могла стыдиться. Ведь я практически сделала доброе дело, – продолжала она уговаривать себя, впрочем не очень убедительно, – помогла этому мальчику, накормила и дала денег. Этой суммы должно хватить ему на какое-то время, продолжить путешествие, пока не кончатся деньги и он не повстречает еще одну одинокую и глупую американку... Долго искать ему не придется, – с горечью подумала она. – Мне нужен водитель. „Хотите поехать со мной?“ Да, это была ошибка, но, с другой стороны, что мне беспокоиться? – старалась утешить она себя. – Он взял у меня деньги... Так чего ради теперь ему ехать в Швейцарию с женщиной, которая по возрасту в матери годится?»

Она начала вспоминать, как они сидели там, друг против друга в этом убогом ресторанчике, ели и как время от времени он посматривал на нее и на лице его расцветала теплая приветливая улыбка. «Интересно, каков он в постели?» – подумала она. При одной мысли об этом ее бросило в жар, тело стало слабым и податливым. Рассердившись на себя, она поднялась и подошла к окну. Раздвинув шторы, посмотрела на Рейн. Маленький паром, битком набитый рабочими, отчаливал от противоположного берега, его огоньки отражались в свинцовой, холодной даже на вид воде. Шел снег, он уже покрыл шпили церквей и крыши фабрик за рекой.

«Да, дорога будет нелегкая, – подумала она. – Особенно по этому автобану, до Базеля... А потом Цюрих с его сумасшедшим движением, подъем в горы до туннеля Бернардино и длинный и опасный спуск в Беллинцону». Она нахмурилась и пошла в ванную.

Через сорок минут официант принес ей кофе. Она уже была одета. Норковое манто лежало наготове, перекинутое через спинку стула. Когда официант вышел, она надевала шляпу перед зеркалом, заодно проверяя, хорошо ли наложен макияж.

Без трех минут восемь она раздавила сигарету в пепельнице, надела манто, бросила последний взгляд в зеркало, затем взяла сумочку и вышла из комнаты. Выйдя из лифта, бегло оглядела вестибюль. Может, ее высокий милый мальчик уже ждет здесь... Но никого, кроме группы немецких бизнесменов, не было.

Хельга уплатила по счету и подошла к главному швейцару дать ему на чай.

– Сегодня ехать надо очень осторожно, – принимая деньги, по-отцовски заботливо сказал он. – Дорога опасная, скользкая.

Она ничего не ответила и обернулась к носильщику.

– Вещи уже в багажнике, – сказал он. Говорил он по-английски еще хуже, чем швейцар. – Бензобак заправлен. Машина полностью подготовлена.

Она дала ему на чай и направилась к черному «мерседесу», который недавно приобрела в Гамбурге.

Швейцар и два мальчика сопровождали ее, словно телохранители. На секунду приостановившись, она оглядела улицу. Туман, ровно и густо валит снег, по тротуару спешат люди, по проезжей части – машины. Ларри Стивенса не видно нигде.

Она села за руль. Швейцар, склонившись в почтительном поклоне, захлопнул за ней дверцу, и она взглянула на усыпанные бриллиантами наручные часы – 8:10.

Видимо, портье в течение нескольких минут разогревал двигатель, в машине было тепло. Она включила дворники и повела «мерседес» по улице, испытывая чувство одиночества и потерянности. Может, оттого, что ей предстояло триста километров нелегкого пути?..

«Да, все правильно, – подумала она. – Иначе и быть не могло. Мальчик просто хотел поесть на дармовщину. И денег. Напился, наелся, взял деньги и пошел себе своей дорогой, посмеиваясь над старой душой. И поделом, старая дура ты и есть, и больше никто!..»

На перекрестке пришлось остановиться, пропуская поток машин. И вдруг она услышала легкий стук в стекло, сердце у нее забилось, она быстро повернула голову.

Там стоял он: кепи в снегу, лицо, посиневшее от холода, но открытая добрая улыбка сразу согрела ей сердце. И внезапно она почувствовала себя молодой и как-то совсем поглупому счастливой. Она махнула ему, показывая, что надо обойти машину и сесть рядом с ней. Он кивнул, перебежал перед фарами, на секунду остановился – сбить снег с кепи, кожаной куртки и ботинок. Затем открыл дверцу, впустил в машину поток холодного воздуха и очутился рядом с ней.

– Доброе утро, мэм! – Голос звучал весело. – Напоминает Рождество, верно?

«Да, – подумала она, – Рождество... И он – мой рождественский подарок».

– Долго пришлось ждать? Почему же вы не пришли в отель? Должно быть, совсем ооченели. – Она с удовлетворением отметила, что голос ее звучит спокойно.

– Да нет, недолго, мэм. Я подумал, что мне не стоит заходить в отель. Очень уж он пижонский. – Он засмеялся. – Классная машина! Ваша?

– Да. – Она сбавила скорость и остановилась на красный свет. – А где же ваш багаж, Ларри?

– Потерял. Вместе с деньгами.

– Вы хотите сказать, что у вас ничего нет, кроме того, что на вас?

Он опять рассмеялся:

– Так оно и есть. Влип, что называется, в историю. Рон меня предупреждал. Говорил, что такое случается, а я, дурак, не верил. А все из-за той девчонки... Думал, она о'кей, вот и попался... – И он снова рассмеялся.

– Так это она украла у вас вещи?

– Ее парень. – Он пожал плечами. – Рон меня предупреждал, а я все равно влип. – Он взглянул на нее с улыбкой. – Ой, мэм, пока не забыл, вы же дали мне триста марок заплатить за ту жратву. Вот, здесь сдача. – Он вытащил из кармана джинсов купюры.

– Я оставила это вам.

– О нет! – Он даже повысил голос, и, взглянув на него, она поняла, что он действительно рассержен. – Я принимаю угощение, но не деньги. Ни от кого.

Она быстро нашла выход:

– Тогда, пожалуйста, держите их при себе, заплатить за бензин, когда понадобится.

Он метнул в ее сторону взгляд из-под козырька кепи:

– Гм... ладно.

Они уже приближались к въезду на автобан. Фары высвечивали снег на асфальте, под ним – черный лед. Влившись в поток движения, она отметила, что машины едут медленно и осторожно.

– Пожалуй, в Базель мы попадем не скоро, – заметила она.

– А вы торопитесь, мэ́м?

– Нет.

– Я тоже нет... Я никогда не спешу. – Он рассмеялся.

Нет, теперь она тоже никуда не спешила, ведь он был здесь, рядом с ней. Она надеялась оказаться в Базеле часа в два и остановиться в «Адлоне», но теперь ей было все равно. Теперь она понимала, что в «Адлон» Ларри брать неудобно – без багажа, в таком виде. Лучше уж подыскать более скромный отель, где не будет этих любопытных и удивленных глаз.

– А где вы сегодня ночевали? – спросила она.

– Нашел комнату. Вы уж простите меня, мэ́м, но пришлось потратить часть ваших денег. Но я вам верну.

Еще одна девушка? Она почувствовала укол ревности.

– Не беспокойтесь. Денег у меня достаточно. – Она в нерешительности помолчала с минуту. – Деньги – полезная вещь, но не всегда приносят счастье.

Он заерзал на сиденье, сдвинул кепи со лба, потом опять надвинул.

– Мой старик тоже всегда так говорит. – (Она тут же поняла, что допустила промашку.) – Люди, у которых куча денег, любят порассуждать о счастье. – Голос его звучал грубовато.

– Да... это верно. – Ей хотелось подстроиться под него. – Часто не ценишь то, что имеешь.

Он снова заерзал.

– Да, так говорят. А Рон говорит, что слишком мало людей имеет много денег и у слишком многих их мало.

«Это что, прикажете считать мудрым изречением?» – подумала она, но вслух сказала:

– Вы все время упоминаете какого-то Рона... Кто он?

– Мой приятель. – Он повернулся, и она с неудовольствием подметила, как оживилось его лицо.

И снова почувствовала укол ревности, зная, что никто не заметит того простодушно-восторженного выражения на его лице, если он когда-либо заговорит о ней со своими друзьями.

– Расскажите мне о нем.

Какое-то время он молча смотрел вперед через ветровое стекло, затем заговорил:

– Ну, вообще-то, он личность. Незаурядный человек. А какой повар – в жизни ничего подобного не видел! – Он восторженно тряхнул головой. – И что у него ни спросишь... про что угодно – на все получишь ответ. Для него нет проблем. Очень умный парень.

– Да, похоже, замечательный. – Она постаралась вложить в эту фразу максимум энтузиазма. – А где вы познакомились?

– Да так, случайно. – По его голосу она поняла, что он не очень-то расположен говорить на эту тему.

– А почему вы не путешествуете вместе?

Он рассмеялся и стукнул себя кулаком по коленке:

– Да потому, мэ́м, что он сейчас в тюрьме.

– В тюрьме? За что?

Он покосился на нее из-под козырька:

– Вы только не подумайте ничего дурного, мэ́м. Уж я-то знаю: стоит таким, как вы, слышать, что человек в тюрьме, и вы сразу думаете про него бог знает что. Рон не такой. Он протестует. Он возглавлял марш протеста в Гамбурге, вот его и упекли.

Руки Хельги легко касались баранки, глаза не отрывались от дороги. После паузы она спросила:

– И против чего он там протестовал?

Снова настала долгая пауза, и она взглянула на него:

– Против чего он протестовал?

– Я не очень-то разбираюсь в этих делах, мэм. – Он дернул за козырек. – Вообще-то, они там всю дорогу говорили, говорили... Я только одно знаю: причина протеста была.

– Откуда знаете?

Он нетерпеливо передернулся:

– Ну, он так сказал.

«Что за дитя», – подумала она и снова растрогалась.

– Но если он такой умный, как вы говорите, Ларри, как же это получилось, что он оказался в тюрьме?

– Он умный! И он мне все объяснил. Он сказал: пока люди о тебе не знают, ты ничто. Реклама – великолепная вещь. Вот он угодил в кутузку, и на следующий же день его фото появилось во всех газетах. И теперь в Гамбурге о нем говорят... И это здорово!

– Он, конечно, против богатых?

Ларри нахмурился:

– Да... пожалуй что, так.

– А вы тоже?

– Может. Я как-то особо об этом не думал...

– Но зато слушали Рона!

– Ясное дело. Да его нельзя не слушать! Это гамбургское сборище было, доложу вам, вещь! Он сколотил кодлу парней. Я тоже там был. Дождь лил как из ведра. Я хотел стать где-нибудь под навесом, но Рон сказал: фигушки, давай вперед. И я шел впереди. Потом мы стояли там как статуи, мокрые, голодные как черти. И тут опять Рон начал заваруху. Завел нас, и минут через пять мы все взорвались точно ракеты! Да, доложу я вам, это было нечто! Повеселились вволю. Вопили, орали, били витрины, переворачивали машины и поджигали их. Бросали в фараонов кирпичами... Вообще – задали шороху. Здравская вышла заваруха!

– Но зачем, Ларри?

Он метнул в ее сторону взгляд, глаза враждебно сузились.

– Значит, надо было... Рон так сказал.

– Ну а потом?

– Ну потом и фараоны разозлились. Стали палить из водяных пушек. Боже, ну и холод же был! – Он расхохотался. Она с облегчением заметила, что гнев его уже улетучился. – И еще они применили слезоточивый газ... Вот тут действительно стало худо. Ну, Рон подбежал ко мне. Мы стояли чуть не по колено в битом стекле... а потом разорвалась еще пара снарядов... ну прямо как на войне. И все орут и дерутся. Он сказал, чтоб я сматывался из Гамбурга, и быстро... ну я и удрал.

Посветлело, и фары стали не нужны. Снег перестал. Она прибавила скорость.

– И сколько он уже сидит? – спросила она.

– Не знаю... Может, с неделю.

– Вы хотите встретиться с ним снова?

– Ясное дело. Конечно увидимся. У меня есть его адрес. Зачем терять такого отличного парня. Пошлю ему открытку. – Он кивнул, словно открытка являлась решением всех проблем. – Конечно, обязательно увидимся... Такие парни на дороге не валяются.

Отсутствующее выражение лица и тон подсказали Хельге, что он вовсе не так уж стремится снова обрести этого Рона, и она почувствовала облегчение.

– Знаете, не нравится мне все это, – сказала она. – Ни багажа у вас, ни одежды, ни денег... Не знаю, как вы собираетесь жить дальше.

– Обо мне не беспокойтесь, мэм. Не пропаду. Найду работу. – Он уверенно и широко улыбнулся. – Хотя, конечно, очень приятно, что вы обо мне беспокоитесь. Подыщу работу в отеле или гараже. Не так уж много мне надо денег.

Впереди она увидела знак стоянки и остановилась.

– Хотите сесть за руль?

– Еще бы!

Она въехала на стоянку. Он вышел и подошел к дверце с ее стороны, а она пододвинулась на сиденье.

Уже по тому, как уверенно вывел он машину на автобан, она поняла, что водитель он опытный. Буквально через несколько минут «мерседес» набрал скорость сто семьдесят километров в час, и ей даже стало немножко стыдно за ту осторожность, с которой она вела машину, словно какая-нибудь старуха.

– Так мы, пожалуй, будем в Базеле уже часа через два, – заметила она.

– Я еду слишком быстро, мэм?

Он действительно ехал слишком быстро, но она не могла заставить себя признаться в этом.

– Нет... мне даже нравится. Вы вообще замечательно водите машину.

– Спасибо, мэм.

Он слегка нахмурился, и она поняла, что разговаривать он не слишком расположен. Видно, хотел целиком сосредоточиться на процессе управления автомобилем, наслаждаясь его мощностью, и показать свое мастерство. Она расслабилась, откинулась на спинку кресла, перед глазами монотонно разматывалась лента дорожного полотна, и через некоторое время мысли ее обратились к прошлому. С возрастом она стала все чаще ловить себя на том, что ей нравится разматывать клубок прошедших лет и дней.

Единственная дочь известнейшего адвоката-международника, она получила образование в Европе и имела сразу две специальности – юриста и секретаря-делопроизводителя высочайшего класса. К этому времени отец Хельги начал работать в Лозанне, в одной швейцарской фирме, специализирующейся по налогообложению. Когда в возрасте двадцати четырех лет Хельга закончила обучение, он привел ее в фирму и устроил личным своим помощником. Через несколько лет отец умер от сердечного приступа, но на ее положение в фирме это не повлияло. Джек Арчер, один из младших партнеров, перехватил ее буквально из-под носа у других, более солидных по возрасту и стажу руководителей фирмы, и назначил своим личным секретарем. Она понимала, что вправе выбирать, но Арчер буквально взял ее штурмом – он был красив, напорист и невероятно сексуален. Последнее, видимо, имело решающее значение. Без мужчин она не мыслила жизни и имела столько любовников, что потеряла им счет. Когда Арчер предложил ей работать с ним и она кивнула в ответ, он тут же запер дверь кабинета и они отметили это событие прямо там, на полу, «моменталкой», как она это называла, и разочарованы не были.

Каким-то непонятным образом в руки Джека Арчера попал швейцарский счет Германа Рольфа. Как это произошло, никто не знал, да и он сам толком не понимал тоже. Герман Рольф прибыл в Лозанну в поисках опытного адвоката и консультанта по подоходным налогам, и Арчер умудрился понравиться ему и получил это место. Так неожиданный поворот судьбы позволил Арчеру получить должность старшего партнера в его фирме. Счет Рольфа значил для компании не меньше, чем Белый дом для претендента на пост президента США.

Герман Рольф, высокий, худой, лысеющий старик лет за шестьдесят пять, жесткий и абсолютно безжалостный, когда речь шла о деле, создал настоящую электронную империю, которая постепенно сделала его одним из самых богатых людей в мире. Задолго, чутьем старого опытного хищника предвидел он рост налогообложения для крупных промышленников и сначала легально, потом тайком перекачал большую часть своих доходов в Швейцарию. Ему нужен

был надежный человек, до последней буквы следующий каждой его инструкции, и он выбрал Джека Арчера. Поскольку Хельга являлась секретаршей Арчера, она тоже была вовлечена в это дело.

Примерно раз в три месяца Рольф вылетал в Женеву, где его встречал Арчер и они обсуждали детали новых вкладов. Перед одним из таких визитов Арчер, увлекавшийся лыжным спортом, сломал ногу и попросил Хельгу заменить его.

– Ты ведь знаешь все вдоль и поперек. Вот тут список моих рекомендаций. Но смотри держи с ним ухо остро... Старик с причудами и своими заскоками, – предупредил он ее перед отъездом в Женеву.

Хельга была наслышана о Германе Рольфе, знала, как он богат и жесток, но не знала, что он калека. И была неприятно поражена, увидев, что он передвигается с палкой и что его черепообразное желтое лицо искажено болью. Они провели три часа в роскошных апартаментах Рольфа в отеле «Берге». Хельге недавно исполнилось тридцать шесть, и она была невероятно, потрясающе красива. К тому же у нее был свой стиль, вкус, а уж мужчин она изучила как облупленных. Мало того, она была еще и умна и внесла от себя несколько предложений вдобавок к предложениям Арчера. Возможно, именно последнее произвело на Рольфа наибольшее впечатление. Вскоре после этого Арчер сказал ей:

– Слушай, да ты просто сразила старика наповал... Он желает видеть тебя снова.

Рольф приехал в Швейцарию через месяц и заявился прямо в контору в Лозанне, такой привычки за ним прежде не водилось. Остановившись у стола, за которым сидела Хельга, он пожал ей руку.

– Вы внесли весьма ценные предложения, весьма ценные, – сказал он сухим надтреснутым голосом. И он протянул ей маленький пакетик, в котором оказались платиновые наручные часы с бриллиантами.

Когда он ушел, Арчер позвал ее в кабинет.

– Старик желает взять тебя в секретарши. Тебе решать, но лично я не советую. – Он взглянул на нее с улыбкой. – Правильно разыграешь свою карту – можешь стать его женой. А как – я подскажу. Он одинок, ему нужна женщина, которая управляла бы всеми его многочисленными виллами и поместьями. Не какая-нибудь дура, а женщина с головой, с которой к тому же не стыдно показаться на людях. Ты подходишь. Ну, хочешь я все устрою?

Она удивленно уставилась на него. Прошло, наверное, несколько секунд, прежде чем до нее дошел смысл этих слов, но с ответом она ждать себя не заставила:

– А ты уверен, что сможешь?

– Держу пари. – Он уже завелся. – Мы ведь всегда ладили с тобой, верно, дорогая? И мне крайне выгодно, чтоб ты стала его женой. Будем и дальше работать вместе. Если согласна, я все устрою.

Жена одного из самых богатых людей в мире! Искушение, особенно в ее возрасте, было слишком велико.

– Попробуй, устрой! Думаю, ничего у тебя не выйдет.

Однако вышло.

Три месяца спустя она получила от Рольфа письмо, в котором он просил встретиться с ним и отобедать в отеле «Монтрё-Палас».

– Дело в шляпе! – воскликнул Арчер. – Я преподнес ему тебя на золотом блюде. Запри-ка дверь, дорогая, и снимай трусики. Я заработал вознаграждение.

Рольф излагал свои мысли четко и деловито. Сказал, что ему необходимо обзавестись женой. У него несколько вилл, разбросанных по всей Европе. Нужно приглядывать и за особняком во Флориде. Ему повезло, что он встретился с ней. И дело не только во внешности, шарме и стиле, дело еще и в том, что у Хельги светлая голова. Она отвечает всем требованиям, лучшей жены ему не найти. Принимает ли она его предложение?

Хельга инстинктивно почувствовала, что напускная застенчивость или колебание здесь неуместны, и взглянула ему прямо в глаза:

– Да. Постараюсь не остаться в долгу и дать вам не меньше, чем вы предлагаете мне.

Ответ ему понравился.

Потом, в течение долгой, показавшейся вечностью минуты, он пристально, изучающе смотрел на нее холодными, пронизывающими глазами. Она и до этого ощущала неловкость, когда он разглядывал ее, а тут и вовсе смутилась.

– Прежде чем мы примем окончательное решение, хочу задать вам один весьма интимный вопрос, – тихо начал он. – Скажите, секс для вас много значит?

Она была достаточно проницательна, чтобы предвидеть нечто в этом роде.

– Почему вы спрашиваете?

– Я инвалид, – сказал Рольф. – И хочу знать, согласны ли вы распрощаться с нормальной половой жизнью в случае, если станете моей женой. Учтите, когда вы ею станете, других мужчин у вас быть не должно. Никогда, ни одного. Я не потерплю даже тени скандала. Не потерплю, так и знайте. И если только хоть раз вы осмелитесь обмануть меня, Хельга, я тут же разведусь с вами, и вы не получите ни гроша. Запомните это. А если будете мне верны, я сумею вознаградить вас. Ваша жизнь будет богата и разнообразна. Знаете, я открыл в ней немало удовольствий, которые с лихвой компенсируют отсутствие секса. Если вы готовы принять это условие, тогда поженимся тотчас же, как только я сделаю все необходимые распоряжения.

– Мне тридцать шесть, – ответила она. – В моей жизни уже было достаточно секса. – В этот момент она верила в то, что говорит. – Я принимаю условие.

Но конечно же, ничего из этого не вышло. Первый год прошел вполне гладко и спокойно. Великолепный дом во Флориде, сам факт, что она является женой одного из богатейших людей в мире, имеет все, чего бы ни пожелала, масса новых интересных знакомств – все это помогало сносить отсутствие плотских наслаждений.

И только позднее, оказавшись в кругу женщин, каждая из которых только и знала, что судачить о том, что и как проделывал ее супруг прошлой ночью, да о друзьях, с которыми приходилось встречаться тайком, она почувствовала, что и они ожидают от нее откровений и участия в столь занимательных беседах. Но ей нечем было поделиться с ними, и она страдала.

Первый раз она согрешила в Милане, куда отправилась по делам мужа. Она зашла в какой-то маленький ресторанчик. Там работал молодой официант, итальянец, совершенно очаровательный и сексуальный, который просто нюхом учуял, чего ей надо. Когда она пошла в туалет, он немедленно последовал за ней и овладел ею там, стоя, прижав к довольно грязной стене. Хельге была так страшно и мерзко, что даже сейчас, четыре года спустя, она вспоминала об этом с брезгливым содроганием.

С этого случая началась целая серия сексуальных походов, случайных связей с какими-то совершенно незнакомыми людьми. Правда, это бывало только тогда, когда ей становилось уже совершенно невмоготу. Она была очень осторожна. Никаких связей во Флориде, где постоянно проживал ее муж. Только в Европе, куда она ездила по его просьбе повидаться с Арчером. Только там она искала и находила себе подходящего самца.

А вообще, если не считать этих мелких предательств, Хельга служила Рольфу верой и правдой. Недавно он занялся разработкой каких-то новых электронных чудес, призванных не только стать двигателем мирового прогресса, но и укрепить его империю и приумножить состояние. Он просил ее находиться в самом тесном контакте с Джеком Арчером. Ведь в швейцарских банках на его счетах находилось около двадцати миллионов.

– Деньги должны все время быть в обороте, Хельга, – поучал он ее. – И ты можешь это организовать. Каждые полгода ты должна давать мне отчет о вашей с Арчером деятельности. Теперь ты тоже отвечаешь за состояние наших дел. Не забывай – это и твои деньги.

Арчер оказался ловким и дальновидным дельцом, и Рольф был от него в восторге. И состояние в Швейцарии росло. Муж всецело доверял ей. Он был на тридцать лет старше. И Хельга знала: рано или поздно она унаследует большую часть этого состояния. У Рольфа была дочь от первого брака, но серьезной опасности она не представляла. Рольф даже никогда не упоминал о ней. Хельга догадывалась, что девица стала какой-то там хиппи или «анти» и Рольф напрочь вычеркнул ее из своей жизни. А значит, со временем она унаследует огромные деньги и весь мир будет у ее ног. Но надо было быть очень осторожной. «И если хоть раз вы осмелитесь обмануть меня, Хельга, я тут же разведусь с вами...» Стоит только ему пронюхать хотя бы об одном из ее походов, она потеряет все. Она понимала это, но всякий раз, испытывая зов плоти, не могла устоять. Тогда она напоминала обезумевшую от страсти женщину, играющую в русскую рулетку.

Она испытывала жгучее желание рассказать этому мальчику, сидевшему сейчас рядом с ней, о себе. Возможно, он заинтересуется, даже выразит сочувствие. Но она была еще не вполне уверена в нем и сидела молча, поглядывая время от времени на его профиль. Наконец она заговорила:

– Вы, наверное, думаете: раз у меня есть деньги и такая машина, значит никаких проблем?

Он даже вздрогнул при звуке ее голоса. Похоже, мысли его были где-то совсем далеко, с горечью подумала она. Он забыл о ее существовании.

– Простите, что, мэм?

Она повторила вопрос.

– Да... у каждого свои проблемы, – кивнул он. – Рон говорит: проблемы посылает нам Господь Бог как вызов, испытание.

«Господи, до чего же мне надоел этот Рон!» – подумала она.

– Не всегда легко переносить испытание... Вот у меня проблема с мужем.

Легким, почти неуловимым движением баранки он заставил «мерседес» обойти «Фиат-125», затем сказал:

– Вон оно как...

Тон был равнодушный, и она тут же пожалела, что заговорила с ним об этом, но не удержалась и продолжила:

– Он калека...

– Да, это скверно, мэм. – Снова никакого сочувствия в голосе.

– Мне очень трудно.

На этот раз он повернулся и посмотрел на нее. Потом снова взглянул на дорогу.

– Да, это видно.

– Очень одиноко...

– Ясное дело. – Он вывел машину на разделительную полосу, обогнав подряд три автомобиля с такой скоростью, что у нее испуганно затрепетало сердце. – Хотя с вашей-то внешностью, мэм, вряд ли вы так одиноки.

– Сейчас не одинока, Ларри.

– Ага. – Он кивнул и нахмурился. – Хотя, конечно, парень вроде меня для вас не компания.

– Я бы не пригласила вас с собой, если б... вы мне не понравились. – Она сделала паузу, пытаясь изгнать из голоса трепетные нотки, потом спросила: – Надеюсь, что нравлюсь вам тоже?

– Еще бы! – Искренность и пылкость, с которой он произнес эти два слова, заставили ее сердце забиться. – Конечно нравитесь, ясное дело!

«Был бы он чуть постарше, образованней и умней! Но зато он красив, воплощение мужественности, удивительно сексуален. Нельзя требовать слишком многого», – сказала она себе.

Хельга начала расспрашивать его о семье и узнала, что родители его фермеры, благодаря чему ведут довольно сносное существование, и что, возвратясь из Европы, он будет помогать отцу.

– А тебе нравится это занятие, Ларри?

Он пожал плечами:

– Наверное. Старик мой моложе не становится, ему нужна помощь. Да и ни на что другое я, видимо, не годен.

– Собираешься обзавестись семьей?

– Наверное, мэм. Придется. Без жены с хозяйством управиться трудно. Так, по крайней мере, говорит мне старик. Думаю, он прав.

– И что, уже есть девушка на примете?

– Да нет, пока нет.

– Но вообще девушки имеются?

Он сделал неопределенный жест рукой:

– Ясное дело.

Она была не прочь продолжить эту тему, но по его лицу поняла, что ему это неприятно. Вряд ли он девственник, подумала она, но достаточно ли опытен, чтобы удовлетворить ее?.. И Хельга с сожалением переключилась на новую тему – выяснение пристрастий и увлечений.

Нет, вообще-то, он не читает, разве что комиксы. Нет, не любит классическую музыку, вот поп – совсем другое дело. А ТВ – вообще потрясающая штука. Нет, он не интересуется политикой. Никсон? Он как-то о нем не думал. Ведь как ни верти, а без президента не обойтись. Ну вот вам и президент. Да, в кино он ходит. Да, эротические фильмы нравятся. И еще хороший лихой боевик. Вообще ему нравится, когда по телевизору показывают драки.

Она терпеливо слушала, осозная, какая пропасть лежит между ними.

Впереди показался знак – до Базеля всего тридцать пять километров.

– Базель? Но это ведь уже Швейцария? – сказал Ларри, и в его голосе прозвучали странные нотки.

– Да.

– Там ведь граница, верно?

– Да.

Он затеребил пальцами кепи.

– А в чем, собственно, дело, Ларри?

– Да ни в чем, – довольно резко ответил он.

– Нет, что-то не так. Скажи мне, в чем дело?

– Давайте лучше поговорим на стоянке, мэм.

Жесткие нотки в голосе испугали ее. «С чего вдруг такая перемена?» – подумала она. Но, понимая, что дальнейшие расспросы могут вызвать лишь новый приступ раздражения, промолчала.

Проехав по автобану еще километров десять, они увидели стоянку; Ларри сбавил скорость, съехал с дороги и припарковался у живой изгороди, густо покрытой снегом, где висела табличка «WC» и стояли каменные столики и скамьи для проезжающих летом туристов.

Он выключил мотор. Затем, всем телом развернувшись на сиденье, посмотрел ей прямо в глаза:

– Вы рассказали мне о своих проблемах, мэм. Теперь моя очередь. У меня тоже есть проблема.

«Господи, что же сейчас будет, что он скажет?» – подумала она.

– Ну так выкладывайте. – Усилием воли ей удалось произнести эти слова спокойным, даже небрежным тоном.

– Ну в общем, мэ.м... я уже говорил вам, что потерял вещи и деньги... Я еще и паспорт потерял.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Так у вас нет паспорта?!

– Нет.

Она пыталась что-то быстро сообразить, но ни одной стоящей мысли в голову не приходило.

– Вы заявили о том, что потеряли паспорт?

– Нет, мэ.м. Я же сказал, я был замешан в этой гамбургской заварухе. Полиция вылавливала людей, которые там засветились. Надо было рвать когти, и быстро.

Какое-то время она сидела молча, пытаясь найти выход. Германская полиция на границе может выпустить их, не проверив паспорта. Но по ту сторону швейцарцы обязательно узнают, что Ларри потерял паспорт. Какова будет реакция? Ей тоже грозят осложнения. Она, конечно, может сказать, что подвезла случайного попутчика, но от этого ему не легче. Тогда она потеряет его. А ей решительно не хотелось его терять.

– Но почему же вы мне раньше не сказали, Ларри? Я могла бы пойти с вами к американскому консулу в Бонне. И как-то исправить положение.

Он покачал головой:

– Да ладно, чего там! История, конечно, паршивая, но не смертельно. Есть одна идея, если вы, конечно, согласны. Что у вас в багажнике?

Она замерла, потом недоуменно подняла на него глаза:

– В багажнике? Мой багаж, разумеется... А что?

– Так вы хотите, чтоб я ехал с вами в Швейцарию или нет? – спросил он. – Я ведь могу вам пригодиться... Или это вам и ни к чему?

– Я что-то не понимаю, к чему вы клоните. Что вы хотите сказать?

– Послушайте, мэ.м, мне позарез надо пересечь границу. Рон объяснил, где можно достать новый паспорт. А способов перейти границу – навалом. Не хотите помочь мне, так и скажите. Тогда пока, я пошел, а вы оставайтесь тут. Просто я подумал: вы были так добры ко мне, и, конечно, я хотел быть с вами и дальше. – Мягкие карие глаза обежали ее лицо. – Проблемы нет, если вы согласны...

Она прижала ладонь ко лбу:

– Что-то я не понимаю.

– Я могу пересечь границу в багажнике, мэ.м. Все очень просто. Рон сказал – они никогда не досматривают багажники у американцев. Пропустят вас, да и все.

Она вспомнила, как пересекала границы самых разных стран. Действительно, он говорил правду. Они никогда не заглядывали в багажник. Разве что только итальянцы, да и то один раз.

– Ну а если вас все-таки найдут?

Он усмехнулся:

– Тогда, значит, я невезучий. Но вам бояться нечего, мэ.м. Если найдут, вы скажете, что ничего даже не подозревали. А я скажу, что багажник был не заперт, вот я и пробрался в него, когда машина была на стоянке.

– А если вас арестуют?

– Да не найдут они меня, мэ.м. Так вы согласны или нет?

«Куда я лезу? – в панике подумала она. – Во что впутываюсь? Но если сказать „нет“, он навсегда уйдет из моей жизни. Хотя, с другой стороны, чем я рискую? Ведь действительно можно сказать, что я не заметила, как он влез в багажник».

– Хорошо, Ларри... Валяйте, лезьте.

Лицо его просияло.

– Спасибо вам, мэ.м. Вы не пожалеете. Садитесь за руль.

Он выскочил из машины и пошел назад. Она заняла водительское место и наблюдала в зеркальце, как он переносит ее чемоданы на заднее сиденье.

Затем он подошел к окну с ее стороны и улыбнулся:

– Не беспокойтесь, мэм, все будет о'кей.

– Надеюсь, Ларри.

Он приподнял большой палец и снова пошел назад. Услышав, как захлопнулся багажник, она взяла себя в руки, включила зажигание и медленно вывела машину на автобан.

Глава вторая

За несколько километров до границы Хельга попала в настоящую снежную бурю. Она ехала по автобану, когда вдруг резко потемнело. Не успела она включить фары, как снежный вал, гонимый ветром, обрушился на автомобиль и перекрыл всю видимость за пределами двадцати метров.

Машины, ехавшие впереди, теперь едва ползли, а в течение нескольких секунд они превратились в движущиеся снежные холмики, и красные подфарники были едва различимы. Но Хельга была даже рада. По опыту она знала: пограничники в такую погоду проявляют куда большую снисходительность при досмотре.

Ею владели самые противоречивые чувства: смятение, возбуждение, страх. Она немало наслышалась и начиталась об опасностях, подстерегающих водителей, согласившихся подвезти одиноко голосующего на дороге попутчика. Но этот мальчик казался таким открытым, добродушным и славным... И если раньше она была уверена в его честности и порядочности, то теперь начала сомневаться. Это надо же умудриться – сразу потерять все: и вещи, и деньги, и паспорт. Не слишком правдоподобно... Но ведь он честный, тут же возразила она себе. Ведь он хотел вернуть сдачу с тех денег. Нет, дело тут не в деньгах. Совсем другое дело – история с границей, желание попасть в другую страну и совет этого самого Рона, где можно получить новый паспорт (фальшивый?), – вот что по-настоящему тревожило ее. Но тут она вспомнила, как пылко и искренне прозвучали слова Ларри: «Конечно вы мне нравитесь, мэм!» Нет, человек не может сказать так, если искренне не убежден... И все же, а вдруг он просто использует ее?

Она увидела пограничные знаки и вывеску со словом «Halt», полузасыпанную снегом. Машины впереди ехали уже совсем медленно. Она увидела немецких пограничников, сгрудившихся под стеклянным навесом, они нетерпеливо промахивали машинам: «Дальше, вперед!»

Сердце у нее колотилось как бешеное, когда настал ее черед, но пограничник просто махнул рукой и тут же отвернулся. Паспорт и зеленую карточку она положила на колени. Так, на очереди швейцарская граница, подумала она и нервно поежилась. Впереди стояли машины, ее «мерседес» был четвертым. Вот две из них уже пропустили, осталась одна со швейцарскими номерными знаками. Приступ страха охватил ее, когда она увидела двух пограничников, стоявших по обе стороны этой машины, в плащах и фуражках с козырьками, засыпанными снегом. Они о чем-то говорили, потом один из них направился к ней. Она опустила боковое стекло и увидела, как швейцарская машина отъехала.

Пограничник козырнул ей и взял паспорт и зеленую карточку. Лицо его было пунцовым от холода.

Перелистывая странички паспорта, он спросил:

– Ничего запрещенного не провозите?

– Нет.

Только тут она заметила, что он с интересом разглядывает ее, и, прочитав в его глазах одобрение, выдавила улыбку.

Он вернул документы.

– Не слышали, надолго этот буран? – спросила она. – Как бы не стало еще хуже.

– Хуже не бывает, мадам, – ответил он, улыбнулся и, прикоснувшись пальцами к козырьку, отступил.

Хельга подняла стекло и тронула машину с места. Она ощущала легкую дурноту и одновременно восторг. Теперь надо только выпустить Ларри из багажника. Сейчас, на глазах у всех, делать этого нельзя. Должно быть, он там совсем ооченел, в этом багажнике, думала она, вливаясь в поток движения на шоссе. Вскоре впереди показалась большая строительная пло-

щадка. При такой погоде вряд ли кто там сейчас работает, подумала она и свернула на узкую ухабистую дорогу, ведущую к стройке. Взглянув в боковое зеркальце, она убедилась, что главная магистраль уже исчезла из вида и все затянуто сплошной пеленой слепящего белого снега. Тогда она остановила машину, вышла и направилась к багажнику. Замок не поддавался, наконец она приподняла крышку.

– Быстро!..

Он выскочил и захлопнул багажник мгновенным неуловимым движением, она и опомниться не успела.

– Садитесь за руль, – сказала она. – Куда ехать, скажу. – И она поспешила в машину.

Дверцы захлопнулись почти одновременно, и вот они уже сидели рядом, и на лице его светилась мягкая, приветливая улыбка.

– Ну, видали, мэм?.. Я же говорил вам... сработает!

– Да... Вы, должно быть, совсем застыли?

– Это ерунда. Все прекрасно, мэм, и я хочу поблагодарить вас. – Он накрыл ее руку своей большой сильной ладонью. – Спасибо, вы настоящий друг, вот что я вам хочу сказать, и вообще – молоток! Вы уж не обижайтесь за такие слова.

Даже через перчатку она чувствовала, какие ледяные у него пальцы.

– Давайте где-нибудь перекусим? – предложила Хельга, нехотя убирая руку. – Там и поговорим.

Он, следуя ее указаниям, вывел машину на Сент-Якобштрассе, затем свернул направо, и они оказались на стоянке. Найдя наконец свободное место и выключив мотор, он спросил:

– Похоже, вы неплохо знаете городок, мэм?

– Знаю. Неподалеку отсюда есть ресторанчик, придется пройти пешком, совсем немного. А чемоданы, думаю, лучше убрать обратно в багажник.

Через десять минут, сплошь облепленные снегом, они входили в жаркое тепло довольно скромного ресторана.

Она не только замерзла, но и совершенно изнервничалась и потому ограничилась лишь тарелкой супа. Ларри заказала суп, две большие свиные котлеты и картофель фри.

– Давайте сперва поедим, – предложила она, зная, что сейчас его интересует только заказанная еда и отвечать на вопросы он не склонен.

Когда они закончили обед, отогрелись и сидели, попивая кофе, она сказала:

– Послушайте, Ларри, все же, мне кажется, я имею право знать чуть больше... О той девушке, что украла у вас паспорт.

Он отвернулся и заерзал на стуле.

– Гм, мэм... Я понимаю, что многим вам обязан и мне не к лицу крутить и врать, но все это как-то не шибко прилично рассказывать... – Он опустил голову и, нахмурившись, начал разглядывать свои руки. – Вся штука в том, что мне время от времени нужна женщина... – Он затеребил козырек кепи – на этот раз она не напомнила снять его. – В общем, чувствую желание, ну и иногда, честно сказать, просто становится невтерпеж. Вы уж извините, но вы сами спросили... Я говорю правду. Ну, в общем, вы понимаете...

«Да, уж кто-кто, а я-то понимаю, – подумала она. – Ты только время от времени испытываешь желание, а я – почти постоянно».

– Конечно, Ларри. Это... была проститутка?

Он, не глядя на нее, кивнул:

– Ага. Вообще, поганая вышла история. Ворвались двое парней и ну меня колошматить... Потом скрутили и выбросили вон. – Он робко поднял на нее глаза. – Еще повезло, что хоть штаны оставили.

Она взглянула в его лицо, пытаясь увидеть следы побоев, но не нашла. И почувствовала, что сострадает ему. Она понимала: неприятно признаваться в том, что какая-то дешевая маленькая шлюшка обчистила тебя до нитки.

Не стоит, пожалуй, так давить на него. В конце концов, все это не важно. Он просто еще ребенок. Такие наивные взрослые дети часто попадают в подобные истории. Весь вопрос в том, как быть теперь с паспортом.

– Ну хорошо, Ларри. Итак, мы в Швейцарии. И вы без паспорта. Что вы собираетесь предпринять?

– Ну как – что? Получать этот самый паспорт, вот что. – Он затеребил козырек и в ту же секунду залился краской. – Черт! Опять забыл снять эту чертову штуку. – Он сорвал кепи и сунул его под ляжку. – Извините, мэм. Я просто олух. Всю дорогу забываю, что оно у меня на голове.

– А как вы собираетесь получить новый паспорт? – спросила она. – Вы говорили что-то насчет Рона...

Он заерзал на стуле.

– Ну, в общем, он дал мне один адрес, мэм. Это стоит денег, но ничего, как-нибудь выкручусь. – Он подался вперед и, выложив огромные ладони на стол, взглянул ей прямо в глаза. – Знаете, мэм, вы так много для меня сделали... Спасибо вам за все. Спасибо за то, что перетащили меня через границу. Спасибо за обед! Вы замечательная женщина! Дальше двигаюсь сам. Больше вам не придется обо мне беспокоиться. Я справлюсь.

Она пристально посмотрела на него:

– Прекрасная речь, Ларри, но сразу видно: вы слишком увлекаетесь телевизором. Следующей вашей репликой будет: глядя на догорающий закат, он томно сказал: «Спасибо за память, за все доброе и хорошее – и прощай навеки!»

Он покраснел как свекла и смотрел на нее, приоткрыв рот:

– А что опять не так, мэм?

Она достала из сумочки золотой портсигар и прикурила сигарету от золотой зажигалки «Данхилл».

– Я позволила себе немного подразнить вас, Ларри, но не обижайтесь. Просто не терплю, когда со мной фальшивят и валяют дурака. Хотите идти дальше один – о'кей, тогда вставайте и идите. Если уж вам невтерпеж и вы такой самостоятельный. Я вас не держу, но только не надо толкать при мне все эти пошлые речи. Вам понятно, о чем я?

Он потянулся было к козырьку, но, не найдя его, провел рукой по волосам.

– Извините, мэм. Я не хотел выпендриваться. Честно... Просто болван я, вот и все. Вы уж простите меня.

Она сидела неподвижно, выпрямив спину, холодно, пытливо всматриваясь в его лицо.

– Хотите действовать дальше в одиночку, Ларри, тогда сейчас же поднимайтесь и вон отсюда!

Он заморгал, потом потер подбородок тыльной стороной ладони, и она увидела, что на лбу у него выступили мелкие капли пота.

– Да не хочу я, мэм... простите.

– Хорошо, но только не пытайтесь и дальше разыгрывать со мной все эти комедии, Ларри, – тихо сказала она. – Все это я уже видела, все знаю наизусть. Вы еще курочек кормили у себя на ферме, а я находилась в джунглях, где мужчины с умственным потенциалом раз в пятьдесят повыше вашего рвали друг другу глотки. А самый главный, сильный и опасный головорез из них по сию пору мой муж. Так что давайте не вилять и называть вещи своими именами. Вы мне нравитесь, вы славный и неиспорченный мальчик, но не пытайтесь валять со мной дурака.

Он кивнул:

– Я не хотел... Честно, мэ.м.

– Ну ладно. Так что там говорил твой друг насчет паспорта?

Неуклюже и без особой надежды на успех он попытался вернуть себе хотя бы остатки мужского достоинства.

– Все о'кей, мэ.м. Как-нибудь обойдется.

– Неужели ты до сих пор не понял, что обойтись без меня тебе не удастся? Ты же беспомощен, как трехмесячный младенец, который сам себе пеленки переменить не может!

Он опустил голову, лицо приняло уже совершенно несчастное выражение.

– Видать, вы правы, мэ.м. Так оно и есть... Да, вы правы.

– Ладно, только не делай из этого трагедию, – сказала она. – Так что с паспортом?

– Можно получить новый паспорт на новое имя. В Базеле есть один тип, он все устроит. Здесь у меня его адрес... – И он похлопал по карману рубашки.

– Но почему на новое имя, Ларри? Почему бы не пойти к американскому консулу и не сказать, что у тебя украли паспорт?

Он не ответил. Он сидел, низко опустив голову, и капли пота начали стекать со лба по лицу.

– Ларри! Я задала вопрос!

Он поднял на нее загнанные глаза:

– Меня разыскивает полиция...

Сердце у нее упало.

– За что?

– Да все из-за той потасовки. Парень, что был со мной, ударил фараона кирпичом и смылся. А меня сцапали два других фараона. А у того нос был расквашен. Я сказал, что это не я, но они не поверили. Забрали паспорт и стали запихивать в фургон, но тут подоспел Рон и отбил меня. Сказал: смывайся, вот я и смылся.

– Так, значит, никакая шлюха твой паспорт не крада?

– Нет, мэ.м. Зато они сперли все остальное.

Она закурила еще одну сигарету и какое-то время сидела молча, размышляя.

– Стало быть, твой паспорт у немецкой полиции и они тебя ищут?

– Да, мэ.м.

«Так... Сейчас я должна оплатить счет, встать и немедленно уйти. Без него», – сказала она себе. Но тело ее томилось от желания, и она тут же отбросила эту мысль.

– А ты не будешь мне больше лгать, Ларри? – спросила она. – Смотри! Мне нужна только правда!

Тыльной стороной ладони он стер со лба пот и замотал головой:

– Богом клянусь, мэ.м...

Она долго, изучающе смотрела на него.

– А Бог для тебя что-нибудь значит, Ларри?

Он напрягся.

– Ну, ясное дело... Бог есть Бог.

Она пожала плечами. А вообще-то, какая разница, лжет он или нет. «Бог есть Бог...» Как все просто. И снова она почувствовала острое, непреодолимое желание.

– Расскажи мне о паспорте. Что это за человек?

– Да вот, тут его адрес... – Он достал из нагрудного кармана клочок бумажки и положил на стол. – Он друг Рона. – Потом, помявшись, добавил: – Это стоит три тысячи франков...

Три тысячи франков!

– А ты обходишься мне все дороже и дороже, Ларри.

Она взглянула на адрес, напечатанный на машинке. Звали этого типа Макс Фридендер. Адрес ей ничего не сказал.

– Да не берите в голову, мэ. Бабки я уж как-нибудь раздобуду. Найду работу...

– Прекрати! Едем вместе и получим паспорт.

– Не хочу, чтоб вы были тут замешаны, мэ. Вы и так слишком много для меня сделали. Если и вправду хотите помочь, то дайте денег, а уж остальное я как-нибудь сам все устрою.

– Если ты вообразил, что я вот так, запросто, дам тебе три тысячи франков, не будучи уверенной, на что они пойдут, то у тебя не в порядке с головой, – резко сказала она и жестом подозвала официанта. Оплатив счет, она спросила, как лучше добраться до улицы, означенной на бумажке.

Официант ушел и вскоре вернулся с картой, на которой и показал, как найти улицу и дом. Она дала ему такие чаевые, что у него брови полезли вверх, затем накинула отсыревшее манто, и они вышли на улицу.

Сгорбившись и стараясь хоть как-то защититься от снега, лепящего прямо в лицо, Ларри следовал за ней.

Квартира Макса Фридендера находилась на первом этаже довольно обшарпанного на вид строения в глубине запущенного и захламленного двора.

Продрогшая насквозь Хельга взглянула на табличку, привинченную к двери.

– Это здесь, – сказала она.

Ларри стянул кепи, сбил с него снег, снова водрузил на голову и прочитал имя на табличке.

– Ага. Послушайте, мэ, уж больно мне не хочется втягивать вас в это дело. Сдается мне...

– Да перестань, ради бога! Все это мы уже проходили, – нетерпеливо передернула плечами Хельга и нажала на кнопку звонка.

Какое-то время они ждали под мерно падающим снегом, затем дверь отворилась. На пороге стоял маленький хрупкий человечек, похожий на тень. Тусклый свет в дальнем конце коридора делал его еще более бесплотным.

– В чем дело? Кто вы? – В голосе послышались визгливые раздраженные интонации.

«Голубой!» – подумала Хельга. Она ненавидела это племя и, резко шагнув вперед, оттеснила человечка.

– Мистер Фридендер?

– Да... да. А в чем дело? Вы напачкали на полу!

– Ларри, а ну поговори с ним! – резко приказала Хельга.

Ларри прошел мимо нее в прихожую, с плеч валился снег. На мгновение его массивная фигура совершенно заслонила от нее хозяина квартиры. Она услышала только: «Я от Рона Смита».

– Закроете вы наконец дверь или нет! Боже, какую грязь развели!

Хельга закрыла дверь, затем, ненавидя этого типа уже всеми фибрами своей души, стряхнула снег с манто, сняла шляпу и тоже встряхнула ее, отчего на полу образовалась быстро расплзающаяся лужа.

Ларри двинулся по коридору вперед. Дверь в комнату была теперь открыта, и оттуда лился яркий свет.

Из комнаты на нее пахнуло теплом, и она вошла. Мебель громоздкая, старая, сильно обветшавшая. На столе стоял серебряный фазан. Оглядевшись, Хельга пришла к выводу, что это единственная стоящая вещь в комнате и что она сама была бы не прочь иметь такого. В свете старинной, витиеватой работы люстры, где горели только три рожка из доброй дюжины, наконец-то удалось разглядеть получше и самого хозяина. Около шестидесяти. На узком изможденном лице отпечаток страдания. Черные глазки – испуганные и одновременно хитрые, как у лисы, загнанной в угол. Из-под черного берета торчат пряди седых волос. На нем была

грязная зеленая водолазка и бесформенные хлопчатобумажные штаны, тоже зеленые. «Крайне неприятный тип», – подумала она, заметив длинные и черные от грязи ногти.

– От Ронни? А как мне знать, что вы действительно от него? – спросил он, глядя на Ларри.

– Рон просил передать, что Джимми о вас помнит. Сказал, что вы поймете, что это означает.

Фридендер даже взвизгнул от удовольствия, потом зашелся мелким дробным смешком. Чем дольше Хельга смотрела на него, тем больше ненавидела.

– Да, знаю, знаю... Как Ронни?

– Сейчас в тюрьме.

Фридендер кивнул:

– Да, видел в газетах. Ронни молодец. А он не пострадал, не ранен?

– Нет.

– Вот и славно. – Настала долгая пауза, во время которой все трое разглядывали друг друга; наконец Фридендер сказал: – Ну и что же я могу для вас сделать, дорогой? Друг Ронни – мой друг.

– Мне нужен паспорт, – сказал Ларри. – Мне говорили, тут вы большой спец.

Лисьи глазки переметнулись на Хельгу.

– А это ваша подружка, дорогой?

– Это та, которая за все платит, – ответила Хельга. – А остальное – не вашего ума дело.

Глаза Фридендера бегло оценили и норковое манто, и шляпу. Затем остановились на сумочке из кожи рептилии.

– У вас есть фотографии, дорогой?

Ларри извлек из кармана джинсов засаленный конверт:

– Все здесь.

– Так... Это будет стоить... Четыре тысячи пятьсот франков, – сказал Фридендер, беря конверт. – Деньги на бочку, и качество гарантируется. Это еще дешево.

«Ах ты, старая вошь! – подумала Хельга и взглянула на Ларри. Тот стоял, тупо уставясь на Фридендера. – Ладно, дам ему шанс, а если не справится, вступаю в бой сама».

– Рон говорил – три куса...

Она была довольна: голос Ларри звучал достаточно твердо.

Фридендер вскинул грязные руки в притворном сожалении:

– Милый Рон... он совершенно отстал от жизни! Не знает, как все подорожало. Теперь это стоит четыре с половиной, качество – высший класс.

– Рон говорил – не больше трех, – упрямо повторил Ларри.

– Но, извиняюсь, он, видимо, просто не в курсе... – Хитрая лисья улыбка – сперва в адрес Ларри, потом – Хельги.

– Очень жаль, – сказал Ларри. – Но дать больше трех мы не в состоянии.

– Тогда всего доброго! – Фридендер махнул в сторону двери. – Увидите Ронни, передайте: теперь это стоит дороже.

– Не собираюсь, – отрезал Ларри. – Рон сказал мне кое-что еще. Он сказал, что вы настоящий художник, мастер своего дела. – Ларри придвинулся к Фридендеру и слегка наклонился. – Во сколько это обойдется, если я сейчас размажу твои пальчики дверью?

Хельга похолодела. Быстро взглянула на Ларри. Все тот же добродушный, жующий резинку парень, но новые нотки, прозвучавшие в его голосе, подсказали: угроза вполне реальна.

Фридендер, как замороженный, глаз не спускал с Ларри, потом быстро отступил на шаг.

– Что вы такое говорите?..

– А ты что, оглох? Мне нужен паспорт, ты, чучело, понял? Но плачу я за него не больше трех. – Он продолжал жевать резинку. – Так что валяй, приступай к делу, иначе я займусь твоими лапками.

Лицо Фридлендера исказилось от страха. Он привалился к стене.

– Сделаю за три, – хрипло и торопливо пробормотал он, – только для вас. Для другого не стал бы.

– А я и не прошу для другого, – парировал Ларри. – Валяйте. Мы подождем.

Фридлендер стоял, переминаясь с ноги на ногу.

– Я хотел бы деньги вперед...

– Мы подождем, – повторил Ларри.

Фридлендер заискивающе посмотрел на Хельгу:

– А вы точно заплатите?

– Заплачу, – ответила Хельга и села в кресло.

Фридлендер помялся еще немного, переводя взгляд то на нее, то на Ларри, затем вышел из комнаты и притворил за собой дверь.

После долгой паузы Хельга сказала:

– Смотри-ка, а ты круто обработал его, Ларри.

Тот затеребил козырек кепи:

– Спасибо, мэ. Деньги-то ваши. Вы и так на меня поистратились. Не мог же я позволить, чтоб вас совсем обобрали.

– Спасибо. – Она изучающе смотрела на него. – Да, недурная идейка – пригрозить, что отхлопнешь ему дверью пальцы. Тебе когда-нибудь доводилось делать такое с людьми?

Он снова затеребил кепи и затряс головой:

– Нет, мэ. Я вообще не верю в насилие.

Она снова испытующе посмотрела на Ларри, вспомнила нотки в его голосе, от которых мороз пошел по коже. Так ли он добр и мил, этот простак, каким кажется на вид?

– Да, но как же я буду ему платить? – внезапно вспомнила она. – У меня только чеки. Раз уж все равно ждать, схожу, пожалуй, в банк.

Он подошел к окну, приподнял грязную штору и выглянул на улицу. За окном стеной валил снег.

– Выходить в такую погоду? Может, дать ему чек, пусть сам потом получит в банке?

– Я не хочу, чтоб он знал мое имя.

Он обернулся, кивнул:

– Да... конечно. – Нахмурился, потом после нерешительной паузы сказал: – Вы и так слишком много для меня сделали. Я...

– Ладно, Ларри, я и сама знаю, что для тебя сделала. Не стоит напоминать. – Она встала. – Иду в банк. А ты сиди и жди здесь. – Она вышла в коридор и направилась к двери. Она надеялась, что Ларри последует за ней, но этого не случилось. Пожав плечами, она накинула мантию и вышла на улицу, в снег.

Пока она искала банк, в голову пришла мысль: а не лучше ли пойти на стоянку, где оставлен «мерседес», и уехать? Предчувствие говорило: оставаться с этим мальчишкой и дальше чревато осложнениями, как бы потом не пожалеть. Но вот наконец на углу улицы она увидела банк. Зашла и обменяла там пять тысяч долларов на швейцарские франки. Выйдя на улицу, взглянула налево, там, совсем неподалеку, стоит и ждет «мерседес». Она колебалась лишь несколько секунд. Одиночество и тоска по мужчине взяли верх. Она свернула направо и уже минут через пять звонила в квартиру Фридлендера.

Дверь открыл Ларри.

– Ну что, порядок, мэ? – спросил он и посторонился, давая пройти.

– Да, порядок. – Она вошла в убогую гостиную, чувствуя, как со всех сторон ее обволакивает желанное тепло. – Как ты думаешь, сколько еще ждать?

– Не знаю, мэм. – Он притворил дверь в коридор и привалился к ней: руки в карманах джинсов, челюсти ритмично двигаются – снова жевал свою резинку.

Она скинула мантию, бросила его на спинку стула и села.

– Сегодня, в такой бурю, ехать дальше не стоит. Надо найти гостиницу.

– Если хотите ехать, мэм, то едем. Мне доводилось водить машину в любых условиях.

Она взглянула на часы. Четверть четвертого. «„Адлон“, этот роскошный отель, вот что мне сейчас нужно. Принять горячую ванну, расслабиться, потом полежать в постели до обеда...» Она понимала, что брать Ларри с собой в отель никак нельзя – в таком виде, без багажа. Ее там слишком хорошо знали. И тут она вспомнила, что по дороге из банка видела на улице магазин.

– Знаешь, Ларри, я не хочу ехать. Я устала. Но ты не можешь пойти со мной в отель в такой одежде. – Она открыла сумочку и достала деньги. – Направо, в конце улицы, магазин. Пойдешь и купишь себе темный костюм, белую рубашку и черный галстук. И еще плащ на теплой подстежке и туфли. В отеле я представлю тебя своим шофером. Вот, пожалуйста, возьми деньги, иди и купи. Заодно там и переоденешься. И еще купи чемодан, сложишь туда свои вещи.

Он растерянно смотрел на нее:

– Но я не могу, мэм. Это... нехорошо, неудобно. Я...

– Ради бога, делай то, что я тебе говорю! – сердито зазвенел ее голос. – Я устала. Вот деньги! Иди и покупай то, что тебе сказали.

Удивленный нотками, что прозвучали в ее голосе, он покорно взял деньги, подергал кепи за козырек и вышел. Она услышала, как хлопнула входная дверь.

Хельга испустила долгий глубокий вздох, затем дрожащими пальцами достала сигарету и закурила. В доме стояла мертвая тишина.

«Я совсем, совсем запуталась, – подумала она. – Но ведь и раньше случалось такое... ну, пусть несколько по-иному. Без риска в таких делах не обойтись. Где-то через час я буду уже в отеле. Там так роскошно, сервис безупречный...»

Она представила себе, как погружается в ванную, лежит потом на мягкой широкой постели... Потом можно выпить первый martini... Пусть все думают, что Ларри ее шофер. Но все равно надо быть предельно осторожной... Есть придется в одиночестве, и она сожалела об этом: какая скука сидеть одной в этих дорогих роскошных ресторанах! Но взять его с собой – об этом даже и думать нечего! У всех глаза ползут на лоб, мыслимо ли это, чтобы миссис Герман Рольф обедала с шофером. Но зато потом... потом, после обеда, она будет у себя в номере одна, позвонит Ларри и попросит его зайти. Любовник он наверняка неловкий, грубый и эгоистичный, но им можно управлять... Сердце ее застучало: она представила, как он грубо сжимает ее в объятиях.

Дверь отворилась, Хельга вздрогнула. На пороге стоял Фридлиндер. Он оглядел комнату, хитрые маленькие глазки удивленно расширились.

– А где Ларри?

– Скоро придет. Ну что, готово?

– Конечно. – Он вошел в комнату и закрыл за собой дверь. – Изумительная работа.

– Позвольте посмотреть.

Какую-то секунду он колебался, затем подошел и протянул паспорт. Да, действительно, он выглядел как настоящий, даже немного потрепанный на уголках. Имя – Ларри Синклер. Профессия – студент. Ларри – студент? Она пожала плечами. Впрочем, в наши дни слово «студент» ровно ничего не означает – дымовая завеса, прикрытие, позволяющее многим молодым людям затеряться в этом мире, как «модель» или «манекенщица» – зачастую лишь элегантная

маскировка, давно ставшая синонимом другому, более соответствующему истине названию: «шлюха».

Фотография была неважная, зато печать выглядела вполне натурально.

– Да... неплохо.

– Произведение искусства! – хвастливо воскликнул Фридлендер. – Трех тысяч за это маловато. Давайте по справедливости, дорогая... добавьте еще пятьсот. Работа того стоит.

Она открыла сумочку и, не вынимая всей пачки денег, отделила три банкноты по тысяче каждая и швырнула их на стол. Затем положила в сумочку паспорт и защелкнула замок.

– Хотите больше – говорите с Ларри, – сказала она.

Фридлендер схватил деньги и сунул в карман.

– Не делайте ошибки, дорогая... В этой жизни так легко ошибиться... – Он смотрел ей прямо в глаза. – Не рой другому яму, сам...

Глаза ее презрительно сузились.

– Пошел прочь! Не терплю твою породу!

В маленьких глазках вспыхнула ненависть.

– Только не говорите потом, что я вас не предупреждал. – Он направился к двери. – Лучше уж быть таким, как я, чем тем, кто вы! – И он вылетел из комнаты.

Она сидела, вся кипя от злости, и вдруг ее затошнило. Затошнило от самой себя. Да, его последний выстрел попал в цель.

Минут через двадцать появился Ларри. Она слышала, как он постучал во входную дверь, и пошла открывать. И вот он перед ней в освещенной комнате. Да, совершенно неузнаваем! Куда делся жующий жвачку провинциальный американский паренек! Черный галстук и белый воротник разительно изменили внешность. Черный макинтош смотрелся на нем как униформа. Да, он выглядел, как и следует выглядеть личному шоферу богачки, владелицы «Мерседеса-300SEL». Держа в руке пластиковый чемодан, он вопрошительно смотрел на нее, ожидая одобрения.

– Чудесно, Ларри, – сказала она и улыбнулась. – Ты выглядишь просто потрясающе!

– Купил все, что вы велели, мэм.

– Да. Твой паспорт у меня. Идем.

– Я подогнал машину, мэм. – Глаза его смотрели виновато. – Она там, прямо у дома. Вы уж простите меня за самоуправство... Просто я подумал: как вы пойдете опять под снегом до этой стоянки?..

– Но как ты смог? Ведь ключ зажигания у меня!

Он автоматически потянулся к кепи, но, вспомнив, что на голове его теперь нет, потер лоб.

– Машины для меня не проблема. Можно обойтись без ключа, мэм. Вы уж простите, если что не так.

– Но ведь и дверцы были заперты!

– Да, верно. Но я подумал, к чему вам тащиться так далеко пешком, тем более столько снегу навалило...

Ей вдруг стало страшно. Впрочем, через секунду это прошло. Действительно, противно тащиться по такому снегу и холоду к стоянке. Сообразительный мальчик! И не только сообразительный, но и заботливый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.